

ФОТОПУЛОС К. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ФОТОПУЛОС Константин Афанасьевич, родился в 1873 в городе Волос (Греция). Получил среднее образование. С 1919 — проживал в Москве, работал в учреждении. Женат, в семье — двое сыновей, позднее после тяжкого увечья на службе стал инвалидом. 13 февраля 1930 — арестован, приговорен к высшей мере наказания с заменой на 10 лет ИТЛ и отправлен в Котласский лагерь, позднее переведен в Темниковский, затем в Белбалтлаг. По амнистии срок приговора снижен на 1 год¹. 13 февраля 1933 — освобожден из лагеря и выслан на оставшийся срок в Орел. В мае 1936 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<12 мая 1936>

«Зав<едающей> Красным Кр<естом>
полит<ических> заключенных

Адм<инистративно> ссыльного
Константина Афанасьевича Фотопулос,
прожив<ающего> в гор<оде> Орле по
улице 1-я Песковская № 32

Заявление

В октябре 1929 года мой знакомый Дросси прислал мне из Москвы анонимную жалобу Вселенскому Патриарху в Константинополе о разрухе Русской Церкви с просьбой перевести ее на греческий язык. Содержание жалобы не понравилось мне, почему <я> отказался исполнить его просьбу. В феврале 1930 года явился ко мне в Житомир подосланный священник, в присутствии которого я и начал переводить. Ввиду того, что названный священник заявил мне, что у него нет времени ждать, я передал ему подлинный с неоконченным переводом. Вот все мое преступление. Московское ОГПУ приговорило меня к высшей мере наказания, заменив его — к 10-ти годам заключения в концлагерях. Я пробыл в лагерях Котлас, Сольвычегодск, Темниковские и Кемь три года. Несмотря на мою инвалидность (я при исполнении служебных обязанностей получил тяжкое увечье, а именно: перелом тазовых костей левой ноги, бедра правой ноги и 2-х ребер), несмотря на эти физические недостатки, которые лишали меня возможности работать, я работал в лагерях. Из-за моей работы лагерное управление уменьшило срок наказания на один год. В феврале 1933 года по постановлению Московского ОГПУ я был освобожден из-под стражи и выслан в гор<од> Орел. Чувствуя себя очень скверно благодаря увечью, я написал председателю Москов<ского> ОГПУ с просьбой досрочно освободить меня. В июне 1934 года сам мой сын был у прокурора по надзору ОГПУ т<оварища> Сафронского и подал заявление на тот же предмет. Написал в Отдел частных амнистий и т<оварищу> Калинин. Я лично отсюда послал прокурору по надзору ОГПУ вырезку из газеты “Московские известия” от 21 ноября 1934 г<ода>. В этой газете помещено дело шпионской организации. Увидев, что Верховный Суд неодинаково приговорил всех членов организации, я послал вырезку газеты и просил Прокурора пересмотреть мое дело и уменьшить мой срок наказания согласно приговору Верховного Суда. Несмотря на то, что я не являюсь ни автором, ни инициатором вышеупомянутой жалобы, однако присудили меня наравне с автором. Местное ОГПУ препроводило меня в Врачебную Комиссию, которая установила мою инвалидность II группы. В

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 429. С. 532-545; Д. 611. С. 136-149, 154-155.

марте сего> г<ода> я снова послал заявление председателю Московского ОГПУ с приложением вырезки местной газеты от 6/III-36 г<ода>, где был помещен одинаковый приговор с приговором Верховного Суда. Не получая до сих пор никакого ответа, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, не найдете ли возможным помочь мне, чтобы дело мое было пересмотрено на предмет досрочного освобождения или посоветовать мне, к кому обратиться.

Я преклонных лет, родился в 1873 году. Инвалид II группы и буквально не способен к труду. Из 2-х моих сыновей один тоже инвалид II группы и получает 31 руб<ль>. Другой младший работает и получает, как видно из прилагаемой при сем справки, 212 руб<лей>. На иждивении этого последнего сына находится вся семья. Мое содержание здесь в Орле крайне для него обременительно, почему я не платил своим хозяевам за 2½ месяца. Я боюсь, что меня выселят и я умру на улице, т<ак> к<ак> у меня нет средств, чтобы нанять другое помещение. Может быть, найдете возможным через т<оварища> Бухарина посредством издаваемой им газеты помочь мне. В его газете я читал много случаев, где обиженные находили защиту и помощь. При сем прилагаю и заявление Прокурору Союза ССР. Если оно, по Вашему мнению, достигает цели, то не откажите направить по адресу. Надеюсь, что от Вас получу ответ с благоприятными результатами, еще раз прошу Вас покорно помочь мне и дать возможность оставшееся малое время моей жизни провести с семьей.

К. Фотопулос»².

К письму Константина Афанасьевича Фотопулоса было приложено заявление прокурору СССР.

«Прокурору Союза ССР.

Адм<инистративно> высланного
Константина Афанасьевича Фотопулос,
прожив<ающего> в гор<оде> Орле по
улице 1-я Песковская, № 32

Заявление

В феврале 1930 года я был арестован и осужден Коллегией Московского ОГПУ по ст<атье> 58-5. Суть моего дела такова. В октябре 1929 года мой знакомый Дросси без всякого предупреждения и без моего ведома прислал мне из Москвы анонимную жалобу вселенскому патриарху в Константинополь о разрухе Русской Церкви. Переводить я стал в присутствии подосланного священника 13-го февраля 1930 года. Неоконченный черновик вместе с подлинным я отдал упомянутому священнику. Вот все мое преступление.

Я пробыл в лагерях три года. За мою работу там был убавлен срок наказания на один год. По постановлению Коллегии ОГПУ я был освобожден из-под стражи 13 февраля 1933 года и был выслан в гор<од> Орел, где и до сих пор нахожусь.

Принимая во внимание, что я человек преклонных лет, инвалид II группы, это обстоятельство было подтверждено Врачебной Комиссией, куда я был направлен местным ОГПУ, протокол препровожден в Московское ОГПУ, из 2-х сыновей моих один тоже инвалид II группы, а младший, на иждивении которого находится вся семья, получает 212 руб<лей> и, следовательно, отдельно содержать меня ему крайне обременительно. Я буквально неспособен к труду ввиду полученного тяжелого увечья при исполнении служебных обязанностей (перелом

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1521. С. 146-147. Автограф.

тазовых костей, бедра и 2-х ребер). Принимая, говорю, во внимание все эти обстоятельства, <я> писал несколько раз председателю ОГПУ и прокурору по надзору ОГПУ с просьбой пересмотреть мое дело на предмет досрочного освобождения. Свою просьбу я основывал на одном приговоре Верховного Суда (в известиях от 21 ноября 1934 года). По приговору этому не все члены шпионской организации одинаково были осуждены, а на разные сроки. Меня же осудили наравне с автором и инициатором жалобы, несмотря на то, что я не перевел бы жалобы на греческий язык, если бы не явился подосланный священник. Не получая до сих пор никакого ответа, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой сделать распоряжение о пересмотре моего дела на предмет моего досрочного освобождения на основании приговора Верховного Суда и того, что я отбыл больше половины своего наказания. Меня приговорили к 10-ти годам. В лагерях пробыл 3 года, в Орле 3½ и один год за работу мою <снижен>. О последующем по сему прошу не оставить меня без уведомления.

12/V - 36 г<ода>.

К. Фотопулос»³.

В июне 1936 — Константин Афанасьевич Фотопулос вновь обратился к Екатерине Павловне Пешковой.

<25 июня 1936>

«Зав<едающей> Красным Крестом
Полит<ических> заключенных

Штамп на Вашей открытке от 21 мая заставляет меня снова дерзнуть побеспокоить Вас. Я там, прочитав “помощь политзаключенным”, надеюсь найти у Вас эту помощь. И действительно. За эти 3½ года я многим писал, но лишь только Вы мне ответили и указали, чтобы я послал Вам заявление на имя НКВД. Немедля я отправил таковое, выписку из пенсионной моей книжки и справку о службе моего младшего сына. Все эти документы я выслал Вам 25-го мая с<его> г<ода>.

Ежемесячно я хожу в местный НКВД на отметку. Был я там и в этом месяце 15-го. После отметки секретарь предъявил мне отношение НКВД Московского от 4/VI, где было написано объявить мне, что моя просьба осталась без последствий. Я не знаю, последовал ли этот отказ после Вашего ходатайства или же Ваше ходатайство возбуждено после отказа. Не получая от Вас никаких указаний, покорнейше прошу, не найдете ли возможным сообщить мне, в чем тут дело. Если действительно Ваше ходатайство перед НКВД не дало благоприятных результатов, то к кому мне теперь обратиться? Неужели закрыты для меня все пути, и я должен погибнуть? Ноги опухли так, что трудно мне передвигаться. Моя болезнь требует ухода, которого я не нахожу среди чужих людей. Где мне искать помощь? Каким образом открыть хотя маленькую форточку, через которую воссиял и в мою темную комнату свет справедливости, свет сознания, что я не такой великий преступник и опасный человек, что нельзя получить разрешение жить там, где вся моя семья живет. Из газет я узнаю, что крупные шпионские организации, растратчики казенных сумм, убийцы и вредители не так строго были наказаны, как я. Служба моя с 1919-1930 г<одов>, жизнь моя в концлагерях и здесь в Орле могут подтвердить, что я не опасный гражданин и не контрреволюционер. Поэтому снова к Вам обращаюсь, снова прошу Вашего ходатайства о моем досрочном освобождении. С 1931 года прекратили выдачу моей пенсии, что очень обременительно для моей семьи. Не откажите поставить меня в

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1521. С. 148. Автограф.

известность, есть ли надежда на мое освобождение или придется объявить голодовку, т<ак> к<ак> трудно дальше жить.

25/VI-36 г<ода>.

Константин Афанасьевич Фотопулос.

Г<ород> Орел, 1-я Песковская, 32»⁴.

В августе 1936 — Константин Афанасьевич Фотопулос в отчаянии вновь обратился к Екатерине Павловне Пешковой.

<15 августа 1936>

«Зав<едающей> Красным Крестом
Полит<ических> заключенных

Прочитав в Вашем любезном уведомлении от 10/VII с<его> г<ода> за № 11549, что Вам обещано выяснить возможность пересмотра моего дела, я очень обрадовался. Я стал надеяться, что, наконец, и в мою темную тюрьму проникнет свет снисхождения. Хотя и указано было мне, что уведомите по получении окончательного ответа, однако я беру на себя смелость вопреки этому указанию снова постучать в Вашу милосердную дверь.

Больше месяца прошло, как Вам дано это приятное для меня обещание. Видя, что нет ответа, я стал бояться, не забыли ли они о данном Вам обещании? Не следует ли напомнить им? Думаю, что Вы не будете ставить мне в вину это дерзкое надоедание, если обратите внимание на мое плачевное состояние. Ноги опухли; моча не держится; не имея средств отдавать в стирку белье, я делаюсь невыносимым квартирантом. Никто не хочет держать. Жизнь совершенно незавидна. Мои страдания сильно повлияли на моего больного сына, вследствие чего припадки его участились. К чему подобная инквизиция? Я предпочел бы этой инквизиции расстрел. Я боюсь, что скоро с ума сойду. Поэтому умоляю Вас запросить НКВД, выяснили ли возможности. Есть ли надежда освободиться от подобного непосильного наказания? Если действительно им нет времени для пересмотра моего дела, если находят мое досрочное освобождение необоснованным, если мои лета и болезни, мое состояние не принимаются во внимание, то сам себя освобожу от этой мучительной жизни путем голодовки. Пострадаю немного и конец всему. В 1933 году была принята во внимание моя инвалидность, и я был освобожден из-под стражи. Это сделано, как я полагаю, для того, чтобы лагерная жизнь не ускорила мою смерть. Между тем, мне там жилось лучше, чем тут. При таких условиях, как здесь, скорее я околею, чем в лагере. Повторяю, что я совершенно разбит и крайне нуждаюсь в посторонней помощи, каковую я могу найти лишь среди семьи своей.

Вот все, что побудило и побуждает надоедать Вам. От Вас я теперь и жду своего приятного или печального приговора. Я убедился, что Вы мне дадите ту помощь, которую изображает Ваш штамп. Поэтому прошу Вас, истратьте еще раз 15-20 коп<еек> и сообщите, в каком положении мое дело.

Надеюсь и на этот раз не оставите меня без уведомления.

К. Фотопулос

15/VIII - 36 г<ода>.

Г<ород> Орел, 1-я Песковская № 32.

Константин Афанасьевич Фотопулос»⁵.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1521. С. 151. Об. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1521. С. 141-142. Автограф.

В 1937 — Константин Афанасьевич Фотопулос находился в Орле и дважды просил помощи Помполита⁶. Осенью 1937 — он был арестован, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян⁷.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 1606. С. 29-34; Д. 1669. С. 134.

⁷ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.